

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.1>

Демченко Александр Иванович

ДАВНИЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 7-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

In memoriam

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.1>

Демченко Александр Иванович, д. искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник
Центр комплексных художественных исследований
Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

ДАВНИЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Полвека назад в истории нашей страны прошли относительно *недавние шестидесятые*, когда на волне «оттепели» выдвинулось поколение творческой интеллигенции, многое изменившее в мироотношении своих соотечественников. В качестве правофланговых того поколения достаточно напомнить имена таких поэтов, как Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский.

Но у них были далёкие предшественники. Полтора столетия назад в истории России ярко вспыхнули *давние шестидесятые*, когда страна жила ожиданием коренных перемен.

Это настроение охватило и верхи государства, включая императора Александра II. «Великие реформы» – может быть, вошедшее тогда обозначение того времени излишне пафосно, но в 1860-е модернизация жизненного уклада действительно шла едва ли не по всем направлениям: отмена крепостного права, смягчение цензуры, судебная реформа, военная реформа, реформа образования и т.д.

Однако преобразования, шедшие сверху, в немалой степени были вынужденными, происходившими под воздействием мощного давления снизу. И то был не только всеохватывающий общественный подъём, ведущую роль в котором играла разночинная интеллигенция. Нарастали революционные настроения, принимавшие порой радикальную окраску («хождение в народ», подпольные организации типа общества «Земля и воля», террористические акции).

Этот либеральный настрой любых тонов и оттенков породили именно те, кого позже стали именовать *шестидесятниками*. И весь спектр таких тонов и оттенков представлен в палитре художественного творчества того времени. Если опять-таки обратиться к литературе, то красноречивым свидетельством тому могут послужить шедевры писателей И. Тургенева, И. Гончарова, А. Писемского, Н. Лескова и М. Салтыкова-Щедрина, поэтов Н. Некрасова и А. Фета, драматургов А. К. Толстого и А. Островского и таких титанов словесности, как Ф. Достоевский и Л. Толстой.

Общепризнанно, что центральной фигурой демократического движения 1860-х годов был Николай Гаврилович Чернышевский. Главным делом его жизни была критико-публицистическая деятельность, средствами которой он, как казалось властям, *«звал Русь к топору»*. Следствием стали публичная гражданская казнь и затем многолетняя ссылка.

Но в те же 1860-е Чернышевский чрезвычайно много сил отдал и литературному творчеству. Стоит напомнить его романы «Что делать?», «Повести в повести», «Пролог», «Отблески сияния», повести «Алферьев», «История одной девушки», цикл «Мелкие рассказы» и отдельные новеллы типа «Потомок Барбаруссы», пьесы «Драма без развязки», «Великодушный муж», «Мастерица варить кашу».

Порой приходится сталкиваться с иронично-снихождительным отношением к этому наследию. Но разве ничего не говорит уже хотя бы тот факт, что его роман о «новых людях» («Что делать?») вызвал к жизни целое направление в творчестве писателей, близких к народническому движению, – таких как Н. Бажин, И. Омулевский, И. Куцевский, С. Степняк-Кравчинский, Марко Вовчок!

Так не следует ли отрешиться от вьевшихся в наше сознание стереотипов и заново присмотреться к тому, что вышло из-под пера того, кто был флагманом «шестидесятничества».

* * *

Итак, **Николай Гаврилович Чернышевский** (1828-1889) – выдающийся мыслитель, публицист, литературный критик, писатель. Он родился в Саратове в семье священника, учился в здешней духовной семинарии. После окончания историко-филологического отделения Петербургского университета преподавал русский язык и литературу в Саратовской гимназии, где открыто высказывал свои убеждения (некоторые из его учеников впоследствии стали революционерами).

Ввиду характера последующей деятельности в Петербурге, в 1862 году был арестован и осуждён на пожизненное заключение в Сибири, где провёл свыше двадцати лет. В 1883-м переведён в Астрахань под надзор полиции, а в 1889-м, за несколько месяцев до смерти, получил разрешение жить на родине, в Саратове.

В этом городе в общей сложности он прожил более двадцати лет, то есть треть своей жизни. Здесь существует Литературно-мемориальный музей-усадьба Н. Г. Чернышевского и установлен его памятник.

Примечательны строки одного из его писем: *«Как и всегда, как и каждый час, я буду мыслями в Саратове»*. В недошедшем до нас романе «Старина» (1866, был сожжён другим лицом из-за опасений полицейского преследования), по воспоминаниям слышавших его в чтении автора, в основе лежали художественно переработанные воспоминания о его жизни в Саратове в 1851-1853 годах, куда приезжает после окончания Петербургского университета молодой революционер Волгин.

Той же фамилией, обозначающей волжанина, человека с Волги, писатель назвал главного героя романа «Пролог» (1869), наделив его многими автобиографическими чертами. В романе «Что делать?» (1863) персонаж по имени Никитушка Ломов, ставший одним из жизненных примеров для легендарного Рахметова, описывается Чернышевским с особым воодушевлением.

Никитушка Ломов, бурлак, ходивший по Волге лет 15-20 тому назад, был гигант геркулесовской силы. 15 вершков ростом, он был так широк в груди и плечах, что весил 15 пудов, хотя был человек только плотный, а не толстый. Какой он был силы, об этом довольно сказать одно: он получал плату за четырёх человек. Когда судно приставало к городу и он шёл на рынок (по-волжскому, на базар), по дальним переулкам раздавались крики нарней: «Никитушка Ломов идёт, Никитушка Ломов идёт!» – и все бежали на улицу, ведущую с пристани к базару, и толпа народа валила вслед за своим богатырём.

* * *

В сравнении со своим предшественником В. Белинским и последователем Н. Добролюбовым Н. Чернышевский отличался исключительной многосторонностью интересов и, помимо литературной критики, создавал историко-литературные труды («Сочинения Пушкина», «Очерки гоголевского периода русской литературы» и др.), трактаты по эстетике (главный из них – «Эстетические отношения искусства к действительности»), а также философские и социально-публицистические работы.

Став к концу 1850-х годов общепризнанным лидером русской революционной демократии, выступал вдохновителем борьбы против крепостничества и царизма революционными средствами, являлся (наряду с А. Герценом) родоначальником народнического движения.

Как экономист, он доказывал необходимость замены *«нынешнего экономического устройства коммунистическим»*, переход к социализму считал исторической необходимостью, предполагая, что *«отдельные классы наёмных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе»*.

В области литературной критики Чернышевский развивал принципы и традиции Белинского, вслед за которым устанавливал теснейшую связь эстетического идеала человека, его представлений о прекрасном и его художественной деятельности с другими сферами бытия.

Прекрасное есть жизнь, настаивал он, высочайшая красота есть именно красота, рождаемая миром действительности. Предназначение искусства, являющегося *«учебником жизни»*, заключается в том, чтобы научить людей видеть и понимать прекрасное в жизни, мобилизовать силы общества на борьбу против всего, что стоит на пути к высокому идеалу.

Литературу Чернышевский рассматривал как силу, способствующую познанию, оценке и изменению действительности. Таким образом, общественно-практическая, активно-преобразующая роль искусства выдвигалась на первый план.

Эти идеи, а также обоснование целостной, общеэстетической концепции русского реализма, оказали огромное влияние не только на литературу, но и на живопись передвижников, на музыку композиторов «Могучей кучки» (особенно на М. Мусоргского).

Критический отдел журнала «Современник», возглавляемый в 1853-1857 годах Чернышевским, а в 1858-1861-м Добролюбовым, служил оружием воинствующей публицистики, связывающей объяснение и оценку литературных произведений с постановкой острых социально-политических проблем, что сделало его главным легальным органом русской демократии.

Политический радикализм Чернышевского, олицетворявшего собой облик революционера, стойкого в своих убеждениях и поступках, имел своим следствием осуждение на каторжные работы в Сибири и то, что его сочинения оставались запрещёнными в России вплоть до Революции 1905-1907 годов. Примечательна этическая оценка, прозвучавшая в посвящённом ему стихотворении Н. Некрасова.

*Его ещё покамест не распяли,
Но час придёт – он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.*

В добавление к сказанному о многосторонности деятельности Чернышевского необходимо упомянуть его романы «Что делать?» и «Пролог», где нашли определённое выражение его социалистические идеалы и представления о том, какой должна быть общественно-действенная литература.

* * *

Роман «**Что делать?**» (1863) стал наиболее значительным из литературных сочинений Чернышевского, который именно в годы написания этого романа был признанным лидером революционно-демократического движения. Находясь в заведомой оппозиции к существующему порядку вещей, автор зорко подмечал неудовлетворяющие его стороны современного ему жизненного уклада России.

Чернышевского отличали острое писательское зрение, житейская наблюдательность, ясное видение маленьких, простительных и больших, непростительных слабостей человеческих, довольно остроумная манера изобличения этих слабостей.

Вот характерный штрих. Состоятельная женщина, от которой зависит благосостояние отца Веры Павловны, за его готовность услужить собирается отблагодарить его, называя стоимость вещей – автор же обозначениями в скобках делает соответствующие уточнения по поводу реальной цены называемых предметов.

– *Татьяна!* – *Вошла старшая горничная.* – *Найди моё синее бархатное пальто. Это я дарю вашей жене. Оно стоит 150 рублей (85 рублей), я его только 2 раза (гораздо более 20-ти) надевала. Это я дарю вашей дочери, – Анна Петровна подала управляющему маленькие дамские часы, – я заплатила 300 рублей (120 рублей). Я умею награждать...*

Разумеется, эта писательская зоркость и наблюдательность распространяется и на всё остальное, описываемое в романе. Для иллюстрации можно привести момент из истории сближения главных героев.

Лопухов даёт уроки младшему брату Веры Павловны. И она, и учитель несколько наслышаны друг о друге, и вот впервые будущие супруги видятся. Авторская речь перемежается мыслями, которые пробегают в их головах, что привносит тонкий психологический аромат.

На диване сидели лица знакомые: отец, мать ученика, подле матери, на стуле ученик, а несколько поодаль лицо незнакомое – высокая стройная девушка, довольно смуглая, с чёрными волосами – «густые, хорошие волосы», с чёрными глазами – «глаза хорошие, даже очень хорошие», с южным типом лица – «как будто из Малороссии; пожалуй, скорее даже кавказский тип; очень красивое лицо, только очень холодное, это уж не по-южному; здоровье хорошее: нас, медиков, поубавилось бы, если бы такой был народ! Когда войдёт в свет, будет производить эффект. А впрочем, не интересуюсь».

И она посмотрела на вошедшего учителя. Студент-медик был уже не юноша, человек среднего роста или несколько выше среднего, с тёмными каштановыми волосами, с правильными, даже красивыми чертами лица, с гордым и смелым видом – «недурён и, должно быть, добр, только слишком серьёзен». Она не прибавила в мыслях: «а впрочем, не интересуюсь», потому что и вопроса не было, станет ли она им интересоваться.

При рассмотрении безусловно негативных сторон действительности писательская зоркость и отчётливое видение психологической подоплёки поведения человека сразу же приобретают открыто саркастическую окраску.

Показательную подробность подобного рода находим в авторском комментарии к тому обстоятельству, когда мать Веры Павловны без каких-либо оснований, просто из присущей ей алчности хотела бы сбавить цену за уроки, которые Лопухов даёт её сыну.

Как ни удивительно, учитель идёт ей навстречу, что должно было пошатнуть её уже сложившееся хорошее мнение о нём и «по-настоящему, следовало бы ей разочароваться, увидеть в нём человека легкомысленного».

Но уж так устроен человек, что трудно ему судить о своих делах по общему правилу: охотник он делать исключения в свою пользу. Когда коллежский секретарь Иванов уверяет коллежского советника Ивана Иваныча, что предан ему душою и телом, Иван Иваныч знает по себе, что преданности душою и телом нельзя ждать ни от кого, а тем более знает, что в частности Иванов пять раз продал отца родного за весьма сходную цену и тем даже превзошёл его самого, Ивана Иваныча, который успел продать своего отца только три раза, а всё-таки Иван Иваныч верит, что Иванов предан ему, то есть и не верит ему, а благоволит к нему за это, и хоть не верит, а даёт ему дурачить себя – значит всё-таки верит, хоть и не верит. Что прикажете делать с этим свойством человеческого сердца?

* * *

Хорошо представляя себе подобные «свойства человеческого сердца» и сатирически бичуя самые тёмные из них, Чернышевский стремится выявить в своём современнике иное, резко отличающееся от того, чем живёт подавляющее большинство.

Это иное он находит главным образом в среде молодых разночинцев. Некоторые из них происходили из более или менее состоятельных семейств, но сознательно стали добывать себе средства к существованию собственным трудом.

Такова Вера Павловна, многие годы жившая в смрадном чаду родительского очага, где определяющими были необразованность, грубость нравов, низменные побуждения, а главным интересом – жажда накопительства. Она всеми силами стремится вырваться из этого закосневшего мещанского «болота», и одолеть «власть тьмы» удаётся посредством тайного венчания с человеком, близким ей по духу и жизненным запросам. Своё место в жизни она окончательно обретает, отыскав себе дело по душе, причём дело полезное и необходимое для других.

Вера Павловна оказывается в ряду тех, суть устремлений которых со всей ясностью обозначена подзаголовком романа: *Рассказы о новых людях*. Новые для Чернышевского – это значит люди высоких достоинств, натуры деятельные, чистые, безусловно честные, по-другому, чем прежде, устраивающие семейный быт, заботящиеся о благе всеобщей жизни.

Выявляя в реальности России середины XIX века ростки и зёрна соответствующих этому норм морали и человеческих отношений, автор тем самым раскрывал лучшее в облике русского разночинца 1860-х годов, который уже тогда становился ключевой фигурой и главным двигателем общественно-исторического процесса.

Одной из составляющих данного процесса, опять-таки инициированной прежде всего разночинцами, была борьба русской женщины за свободу личности, за гражданское равноправие. В романе «Что делать?» это становится едва ли не самым существенным мотивом истории жизни главной героини. Формируя и формулируя свои идеалы, Вера Павловна с пафосом говорит о той независимости духа, ради которой она готова на всё.

– Я не хочу ни властвовать, ни подчиняться, я не хочу ни обманывать, ни притворяться, я не хочу смотреть на мнение других, добиваться того, что рекомендуют мне другие, когда мне самой этого не нужно. Для того, что не нужно мне самой, я не пожертвую ничем – не только собой, даже малейшим капризом не пожертвую. Я хочу быть независима и жить по-своему; что нужно мне самой, на то я готова; чего мне не нужно, того не хочу и не хочу.

Не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь! Я хочу делать только то, чего буду хотеть, и пусть другие делают так же; я не хочу ни от кого требовать ничего, я хочу не стеснять ничьей свободы и сама хочу быть свободна.

Максимализм выражения своего нравственного идеала был призван в данном случае подчеркнуть страстное стремление во что бы то ни стало добиться духовной независимости. Жизненные реалии сюжета ставят это стремление в определённые рамки, не позволяя пренебрегать тем, что горячий почитатель романа «Что делать?» В. Ульянов-Ленин обозначил позднее формулой «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

В только что отмеченном максимализме суждений в какой-то мере отразились радикальные наклонности, присущие «шестидесятничеству». Но главным для этого повествования становится утверждение идей позитивизма, который был в определённой степени этическим знаменем второй половины XIX века.

У Чернышевского эти идеи выступают в сопряжении с распространившейся тогда теорией «разумного эгоизма», что в частности подразумевало свободное подчинение личной выгоды общему делу, от успеха которого в конечном счёте выигрывает и личный интерес индивида.

* * *

С точки зрения только что сказанного важнейшей задачей считалось решительное избавление от романтических иллюзий, господствовавших в первой половине XIX столетия. Примечательные разъяснения на этот счёт автор вкладывает в уста одного из главных героев романа, человека, безусловно, положительного и рьяного адепта позитивного взгляда на позитивизм.

Вот как строится диалог Веры Павловны с Лопуховым, который, будучи старше и опытнее, учит её умному разуму.

– Стало быть, правду говорят холодные практические люди, что человеком управляет только расчёт выгоды?

– Они говорят правду. То, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями – всё это в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе и в корне само состоит из того же стремления к пользе.

– Положим, вы правы. Но ведь эта теория холодна.

– Теория должна быть сама по себе холодна. Ум должен судить о вещах холодно.

– Но она беспощадна.

– К фантазиям, которые пусты и вредны.

– Но она прозаична.

– Для науки не годится стихотворная форма.

– Итак, эта теория обрекает людей на жизнь холодную, безжалостную, прозаичную?..

– Нет, Вера Павловна: эта теория холодна, но учит человека добывать тепло. Спичка холодна, холодная стенка коробочки, о которую трётся она, дрова холодны, но от них огонь, который готовит тёплую пищу человеку и греет его самого. Эта теория безжалостна, но, следуя ей, люди не будут жалким предметом праздного сострадания. Ланцет не должен гнуться – иначе надобно будет жалеть о пациенте, которому не будет легче от нашего сожаления. Эта теория прозаична, но она раскрывает истинные мотивы жизни, а поэзия – в правде жизни. Почему Шекспир величайший поэт? Потому, что в нём больше правды жизни и меньше оболыщения, чем у других поэтов.

На этот счёт дискуссия не утихает едва ли не на всём протяжении романа. К примеру, другой из главных героев романа, Кирсанов, ставший позже вторым мужем Веры Павловны, на соответствующем витке развития сюжета решает для себя мучительную дилемму: дать волю своим чувствам и тем самым нарушить

супружеское счастье Лопухова, своего лучшего друга, или утаить любовь к Вере Павловне. Ход его «позитивистских» рассуждений убеждает во втором.

«Мое положение вот какое: я люблю вино, и передо мною стоит кубок с очень хорошим вином, но у меня есть подозрение, что это вино отравлено. Узнать, основательно или нет моё подозрение, я не могу. Должен ли я пить этот кубок или опрокинуть его, чтобы он не соблазнял меня? Я не должен называть своё решение ни благородным, ни даже честным – это слишком громкие слова, я должен назвать его только расчётливым, благоразумным: я опрокидываю кубок. Через это я делаю себе некоторую неприятность, но зато обеспечиваю себе здоровье, то есть возможность долго и много пить такое вино, о котором я наверное знаю, что оно не отравлено. Я поступаю неглупо, вот и вся похвала мне».

Чувство любви, но не как стихийная страсть, а как осознаваемое и контролируемое разумом, приобретает в системе ценностей «нового человека» чрезвычайно важное положение. Поэтому лирические мотивы занимают в романе едва ли не главенствующее место.

К слову, в своё время он был пропущен цензурой в печать, поскольку чиновники увидели в нём всего-навсего любовное повествование. И это случилось по отношению к автору, уже находившемуся тогда в тюремном заключении! Сразу же по выходе романа оплошность обнаружили, и ответственный цензор был освобождён от должности.

Тем не менее лирические чувства основных и второстепенных персонажей – отнюдь не «прикрытие» социологической подоплёки. И, подробно рассказывая о всевозможных перипетиях «личной жизни», Чернышевский настойчиво проповедует новую этику человеческих отношений, понимание подлинной любви как чувства без примеси эгоистического присвоения себе того, кого по-настоящему любишь.

Эта этика с наибольшей отчётливостью декларируется Лопуховым, который на определённом этапе чутко ощутил, что Верой в отношении к нему больше руководит чувство глубокой признательности ему за то, что он женитьбой на ней избавил её от домашнего ада, однако сердце её с некоторых пор уже принадлежит другому.

Осознав происшедшее, Лопухов готов сделать всё, чтобы любимая женщина обрела счастье с этим другом. Её сопротивление он стремится преодолеть примечательными в своём альтруизме аргументами.

– *Помнишь, как мы с тобою говорили в первый раз, что значит любить человека? Это значит радоваться тому, что хорошо для него, иметь удовольствие в том, чтобы делать всё, что нужно, чтобы ему было лучше. Что тебе лучше, то и меня радует. Если с тобою нет беды, какая беда может быть со мною?*

– *Мой милый, но ведь ты так любишь меня!*

– *Конечно, Верочка, очень. Но ведь мы с тобою понимаем, что такое любовь. Разве не в том она, что радуешься радости, страдаешь от страдания того, кого любишь? Муча себя, ты будешь мучить меня.*

– *Но ведь ты будешь страдать, если я уступлю этому чувству, которое – ах, я не понимаю, зачем оно родилось во мне!*

– *Как оно родилось, зачем оно родилось – это всё равно, этого уже нельзя переменить. Теперь остаётся только один выбор: или чтобы ты страдала – и я страдал через это; или чтобы ты перестала страдать – и я также. Обо мне не думай, что ты обидишь меня. Не жалею меня: моя судьба не будет жалка оттого, что ты не лишишься через меня счастья.*

* * *

Из «новых людей», выведенных в романе «Что делать?», наиболее оригинален и своеобразен Рахметов. Согласно описанию Чернышевского, будучи по происхождению из крупной и родовитой помещичьей семьи, он из убеждений «пошёл в народ», испытал себя в любых ипостасях тяжёлого физического труда, «приобрёл и не щадя времени поддерживал в себе непомерную силу. “Так нужно – говорил он, – это даёт уважение и любовь простых людей”».

Рахметов вёл спартанский образ жизни, в том числе и по части еды, в которой придерживался принципа: «Того, что никогда не доступно простым людям, и я не должен есть! Это нужно мне для того, чтобы хоть несколько чувствовать, насколько стеснена их жизнь сравнительно с моею».

Многое ещё сообщает автор об этом загадочном, совершенно «особенном человеке» (определение Чернышевского), которому между строк он предрекает большое будущее и, подытоживая разговор о котором, пишет о подобных ему следующее.

Мало их, но ими расцветает жизнь всех. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней – тейн в чаю, букет в благородном вине; от них её сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли.

В Рахметове всегда видели предтечу революционеров народнического толка. Более того, нередко говорилось, что Чернышевский впервые в русской литературе создал образ профессионального революционера.

Это во многом справедливо, однако преувеличивать революционную направленность романа «Что делать?» вряд ли стоит, особенно в сравнении со следующим, незаконченным романом «Пролог» (1869), где один из главных героев открыто характеризует себя следующим образом: он – «демократ, социалист, революционер»

и его цель – *«стереть с лица земли разницу сословий и состояний»*. Неслучайно издание этой книги предполагалось автором не в России, а за границей.

Что же касается предыдущего романа, то Рахметов – эпизодический персонаж, которому посвящён всего десяток страниц, и сама по себе социалистическая идея предстаёт здесь в достаточно реальном качестве, как осуществляемая не в далёком будущем, а в актуальном настоящем, исходя из условий российской жизни того времени. Швейные мастерские, которые организовала Вера Павловна, – образцовые предприятия, основанные на принципах добровольного труда, самоуправления и справедливости для всех.

По их подобию в 1860-е и в последующие годы в России не раз создавались различные товарищества и коммуны, так что мечта писателя отнюдь не была утопической.

Она исходила из доверия автора к доброй воле человека и его разуму, из веры в реальную возможность гармоничных отношений между людьми, из веры в разрешение противоречий жизни – только что дважды повторенное слово *вера*, наверное, не случайно для романа, прежде всего посвящённого судьбе *Веры* Павловны.

Отсюда мажорный финал повествования, который можно было предвидеть уже в той из начальных глав, где говорится о счастье, которое обрела героиня, вырвавшись из ненавистного родительского дома.

Бывает ли лучше жизнь на свете? Да в начале молодости едва ли бывает. Но годы идут, и с годами становится лучше, если жизнь идёт, как должна идти, как теперь идёт у немногих. Как будет когда-нибудь идти у всех.

Как бы ни оценивать художественные достоинства романа «Что делать?», в своё время он конкретно отвечал на вопрос, поставленный в заглавии, давал яркий портрет людей поколения Н. Чернышевского и активно участвовал в становлении характера его младших современников.

Об исключительной силе воздействия этой книги Г. Плеханов справедливо писал: *«Пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом “Что делать?” Никто не укажет такого произведения»*.